

формы дадутъ Россіи крѣпкую силу и вызовутъ ея могучій внутренний расцвѣтъ, Крижаничъ обращается къ московскому царю съ горячимъ призывомъ употребить эту силу на дѣло возрожденія всего славянства. Завоеваніе Крыма и потомъ война съ турками и освобожденіе южныхъ славянъ, — вотъ задача, которую выдвигаетъ Крижаничъ передъ русскимъ царемъ. И въ той одушевленной тирадѣ, которою онъ заканчиваетъ свои политическія разсужденія, онъ обращается къ русскому царю съ такими словами: „На тебя одного, величественный царь, смотритъ все славянство, Ты, какъ отецъ, позаботься и подумай о разсѣянныхъ дѣтяхъ, чтобы ихъ собрать..., ты намъ всѣмъ по истинѣ государь, народный отецъ, и мы, какъ дѣти, крѣпко надѣмся прежде всего на Бога и затѣмъ на тебя“.

* * *

До освобожденія южныхъ славянъ въ то время было еще далеко. Но все же несшіеся въ Москву призывы и отъ практическихъ политиковъ и отъ мечтательныхъ энтузіастовъ всеславянскаго возрожденія не разсѣивались въ воздухѣ впольнѣ безплодно. Политическія отношенія эпохи постепенно начинали приобрѣтать видъ все болѣе благоприятный для возможности вступленія Россіи на поприще борьбы съ Турціей. Уже царь Алексѣй Михайловичъ выступалъ иногда съ публичными заявленіями о томъ, что участь поработенныхъ турками христіанъ лежитъ у него на сердцѣ. Въ дневникѣ Павла Алеппскаго подробно описано одно такое заявленіе Алексѣя Михайловича во время пасхальной заутрени въ Московскомъ Кремлѣ. По окончаніи заутрени царь началъ христосоваться съ боярами, взоръ его упалъ на группу стоявшихъ въ церкви пришельцевъ съ турецкаго востока, и царь залился слезами и сталъ съ большимъ волненіемъ говорить о томъ, что онъ не находитъ себѣ покоя при мысли о страданіяхъ единоплеменныхъ братьевъ русскаго народа подъ игомъ мусульманъ и непрестанно молить Бога, чтобы скорѣе настало время, когда онъ сможетъ обнажить мечъ на защиту православныхъ христіанъ и на освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига. Такъ, задача освобожденія славянъ, томившихся подъ игомъ турокъ, провозглашалась царемъ Алексѣемъ, не только какъ политическій актъ, но и какъ религіозная обязанность русскаго народа.

Въ концѣ XVII в. эта задача ставится уже на почву практической политики. И прежде всего — въ церковной сферѣ. Балканскіе славяне чувствовали себя подъ двойнымъ игомъ. Ихъ политическая зависимость отъ турокъ совмѣщалась съ церковною